

«Зов империи» – преобладание ценностно-рациональных установок над целе-рациональными. Реализация идей, выступающих как некая сверхценность, имеет более высокий ранг, чем достижение прагматически ориентированных результатов. Однако, видимо, помимо собственного архетипа, Россия не избежит влияния корпоративности и конфуцианской теории, и, возможно, мы получим сложный симбиоз, который можно будет определить как систему норм и поведения российского капитализма.

В начале исследований о влиянии глобализации на мировую экономическую систему многие специалисты размышляли о том, что мировые экономические и финансовые системы, крупные транснациональные корпорации, информационные системы Интернета значительно изменят культурные ценности стран, пытаясь привести их к усредненному показателю мировой системы как массовой культуры. На деле гипотеза оказалась несправедливой. Оказалось, что государства, корпорации, финансовые и информационные организации, наоборот, изменяют свою систему управления, максимально используя преимущества той или иной культуры.

Таким образом, глобализация и интеграция мировой экономики не усредняет общественные ценности и морали, а ведет к более точному пониманию моральных и этических основ делового партнера, взаимопроникновению различных культур – без утраты своей собственной национальной культуры. Иначе эффективное международное экономическое сотрудничество не представляется возможным.

СОЦИАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА ПАРТНЕРСТВА

Н.Д. ШМЕЛЕВА

В современном обществе, которое характеризуется конфликтностью, ростом напряженности, внутренней неустойчивостью и непредсказуемостью, все более быстрым темпом изменений, в значительной степени актуализировалась про-

блема *социального партнерства*, рассматриваемого как особый регулятор общественных отношений, направленный на противодействие этим негативным тенденциям. В этой связи социальное партнерство рассматривается как способ согласования интересов, ответственности, полномочий и конкретных функций различных социальных субъектов, институтов, социальных организаций различного уровня. Феномен партнерства, особенности его организации и проявления рассматриваются через контекст оптимизации самых разных сфер общественной жизни: в трудовых отношениях, во взаимодействии государства и общества, в пространстве межконфессиональных и межэтнических взаимодействий, социальных коммуникаций, отношений бизнеса и государства и др.

Активизация научных исследований в сфере партнерских отношений связана с заинтересованностью общества в освоении и раскрытии потенциала партнерства. «В становлении и развитии системы социального партнерства... заинтересованы все социальные группы и государство в целом, так как при этом достигается стабильность в обществе, его прогрессивное социально-экономическое развитие»¹. Социальное партнерство рассматривается сегодня различными общественными науками: социальной философией, социологией, социальной психологией; оно входит в содержание концепций социального управления, социальных коммуникаций, в исследования социальной динамики и социального порядка и т.д. В соответствии с этим тенденция расширения направлений и аспектов исследования темы партнерства, обнаружения и анализа все новых ее аспектов значительно преобладает над процессом интеграции, выработки согласованных позиций по основным характеристикам этого феномена. Отсюда и многообразие определений социального партнерства, в которых акцент делается на различные функции, свойства и особенности этого феномена.

Так, В.В. Ткаченко выделяет в качестве направлений исследования социального партнерства конфликтологичес-

¹ Ковалева М.А. Социальное партнерство как фактор формирования и развития общественных отношений. – М., 2007. – С. 4.

кий, институциональный и социологический подходы, а также подходы технологический, правовой, проблемный, управленческий, политический². В каждом из выделенных направлений рассматриваются какие-либо специфические черты социального партнерства, раскрывающие новые стороны его содержания. Так, в рамках институционального направления социальное партнерство определяется как «устойчивая институциональная система связей между социальными субъектами, сложившаяся в процессе их взаимодействия по поводу взаимоопределения различных интересов, целей, значимых для каждой из сторон ценностей»³.

В конфликтологической трактовке социальное партнерство выступает как «особая система взаимоотношений между наемными работниками и работодателями при регулирующей роли государства, которая направлена на согласование экономических интересов и урегулирование социально-трудовых конфликтов, эффективно действующая в условиях относительного равенства между трудом и капиталом... социальное партнерство есть не что иное, как признание, институционализация и конструктивизация конфликта. Оно строится на признании принципиального равенства партнеров и их способности договориться между собой»⁴.

О.Б. Ионова, анализирующая различные аспекты трактовки социального партнерства в современной социологической литературе, рассматривает партнерство через призму реализации идей конвенционализма, неконфронтационного способа регулирования общенациональных и корпоративных интересов, через консенсус социально-экономической и политической подсистем общества. Рассматривая феномен партнерства как коренное свойство гражданского общества, автор отмечает, что «социальное партнерство возможно и необходимо при такой системе институциональной организации гражданского общества, которому

² *Ткаченко В.В.* Социальное партнерство. – Благовещенск, 2006. – С. 1 – 17.

³ Там же. – С. 14.

⁴ *Разумилов О.Г.* Теоретические и методологические основы анализа становления и развития социального партнерства в рыночной экономике. – М.: ВЦУЖ, 2002. – С. 8, 9.

имманентно присуще существование и сосуществование социальных противоречий и конфликтов различных социальных групп, ассоциаций и организаций. Они, с одной стороны, в рамках гражданского общества *свободны и равны* в плане выражения, проявления и реализации своих интересов и убеждений и т.д., но, с другой стороны, — они *не свободны и не обязательно равны* в плане согласования этих интересов по отношению друг к другу.

Таким образом, система социальной самоорганизации и социального согласия внутри гражданского общества может называться партнерской в том случае, если при ее определении мы будем акцентировать внимание и на первом, и на втором условии ее существования. Следовательно, перед нами такая система социального согласия, где множество свободных и равных перед законом граждан, социальных групп, ассоциаций, организаций и т.п. включены в рамках гражданского общества в некоторую (структурно определенную) систему их самоорганизации»⁵. Далее автор выделяет несколько условий, которые должны согласовывать юридическое равенство интересов различных социальных групп и реальное их неравенство в практической жизни. Среди этих условий — легитимность коренных интересов различных социальных субъектов, признание необходимости баланса этих интересов при разрешении конфликтных ситуаций, взаимозависимость и комплиментарность интересов, эволюция институциональных механизмов и правовых процедур, с помощью которых обеспечивается процесс социального согласия и др.⁶ Здесь просматривается системная направленность исследования феномена социального партнерства, раскрытие тех понятийных структур, через которые конкретизируется его место и роль в обществе (социальная справедливость, легитимность, социальное регулирование и др.). Стало быть, обозначилась тенденция перехода исследования социального партнерства «от абстрактного к конкретному».

⁵ Ионова О.Б. Социальное партнерство (опыт социологического анализа). — М.: МАКС Пресс, 2004. — С. 40 — 41.

⁶ См. там же. — С. 42.

Другим направлением такой конкретизации исследования социального партнерства выступает попытка конкретизировать его место и роль в общественной системе. Так, в коллективной монографии «Грани социального партнерства»⁷ социальное партнерство рассматривается как предпосылка устойчивого развития общества, как способ функционирования общества, как игра интересов; рассматривается его роль в системе социально-экономического управления, в маркетинговых и других коммуникациях и т.д. Все эти выделенные «границы партнерства» выявляют его собственные свойства именно через систему общественных отношений и функций.

Л.А. Иванова и П.Н. Киричек считают, что «социальное партнерство как конечный результат определенного вектора общественного развития постепенно кристаллизуется (и стихийно, и сознательно) путем различных трансформаций самого процесса общения со временем обретающего все более устойчивые признаки сущностно-функционального оформления. В самом общем виде этот процесс «кристаллизации», включающий в себя четыре последовательных стадии, можно представить следующим образом: «общение – социальное взаимодействие – социальные отношения – социальное партнерство»⁸. Попытка найти социально-генетические основания феномена партнерства явно указывает на то, что в его исследовании происходит поворот от позиции выяснения и определения «что это»? – к позиции его обоснования, т.е. выявления не только тех факторов и условий, которые порождают этот феномен социально исторически, но и в значительной степени активизируют его роль в современном обществе.

Исследование феномена социального партнерства с позиций философии как раз и предполагает выявление тех наиболее общих и значимых оснований, которые можно обозначить как *онтологические детерминанты* становления

⁷ См.: Грани социального партнерства / Под общей ред. Т.И. Костиной. – М.: МГАДА, 2008.

⁸ Иванова Л.А., Киричек П.Н. Социальное партнерство: новый модус бытия. – Саранск: Тип. «Красн. Окт.», 2002. – С. 17.

и развития этого феномена. Но поскольку эти основания выступают как некие закономерности общего характера, они имеют и собственные формы проявления, которые значительно отличаются от конкретно-эмпирического уровня существования социального партнерства. Их нельзя сводить к интересам, отношениям консенсуса, социальной справедливости и другим, выражающим субъективную сторону социального партнерства, хотя она сохраняется и на социально онтологическом уровне.

Предварительно можно утверждать, что *социальное партнерство выступает как особое свойство бытия общества, тесно связанное с регулированием соответствия между структурами общества и его динамикой, между его пространством и временем.* В этом процессе социальное партнерство выражает «алгоритм» развития как существенного свойства бытия общества. Можно сказать, что социальное партнерство выступает существенной формой диалектического развития общества. Действительно, когда социальные противоречия выявлены и требуется их разрешение, без которого качественных изменений в обществе не происходит, здесь — на этапе уже интеграции общественных процессов и отношений, в ходе которой возникает новое социальное качество (проявляясь как временное единство общества), — на первый план и выступает социальное партнерство, которое способно подчинять требованиям единства сохраняющиеся в обществе различия интересов и позиций. Следовательно, социальное партнерство — это такое свойство социального бытия, в котором момент тождества (согласия) может сохранять различия на основе принципа субординации: тождество (или единство) здесь оказывается более важным для общества, чем различия в его внутреннем содержании. В этом плане партнерство, если рассматривать его как свойство бытия общества — это зависимость или подчинение различий частного уровня единству целого.

Какую же роль играет партнерство в бытии и развитии современного общества?

Отметим, прежде всего, что одним из наиболее существенных свойств информационного (или постиндустриального) общества является его беспрецедентное ускорение.

А. Тоффлер еще в 60-х годах XX века показал, что отношение людей к ускользающему времени, изобретение различных способов его освоения, а также структурирование общества XX века под воздействием огромных темпов социальных изменений является едва ли не важнейшей проблемой постиндустриализма. Именно постоянный дефицит времени здесь становится той «осевой» детерминантой, которая определяет образ жизни, мышление и ценности наших современников, а значит – и общие параметры общественного бытия и сознания. «Мы не просто расширили сферу деятельности и масштабы перемен, но радикально изменили их темп. В свое время мы выпустили на свободу абсолютно новую социальную силу – неуклонно растущий поток перемен. Его влияние на темпы нашей повседневной жизни, чувство времени и способы восприятия окружающего мира имело революционное значение... Ускорение скрывает непостоянство – быстротечность. Быстротечность проникает и пропитывает наше подсознание, радикальным образом меняя наши отношения с другими людьми, предметами, с целым миром идей, искусства и ценностей»⁹.

Сегодня важнейшей функцией общественной системы и проблемой самих людей является адаптация к этому быстро меняющемуся бытию. В этом плане начало информационной революции, которая обеспечила не только массовое производство информации, компьютеров, информационных программ и технологий, но и такое новое планетарно-виртуальное пространство, которое технически структурируется в виде Интернета и сети телекоммуникаций, усиления воздействия СМИ и массовой культуры, информатизации экономики и обучения, – стало своеобразным ответом на вызовы современного сверхсложного общества. Ведь только информация все еще сохраняет возможность опережать в своем развитии (возрастании) темпы развития общества.

Но информационно-техническая адаптация еще не обеспечивает усвоение и овладение темпами современных изменений. В своем комплексном применении эти инфор-

⁹ Тоффлер А. Футурошок. – СПб.: Лань. 1997. – С. 15 – 17.

мационно-технические средства лишь порождают искусственную, техногенную среду, которая негативно влияет на человека, превращая его в «обслуживающую функцию» технической среды. И поскольку в реальном социуме, который по своему бытию (вместе с культурой) оказывается достаточно сложным и многомерным, включая экзистенциальные, смысловые, ценностные и другие параметры, не поддающиеся воздействию техногенных факторов, — в нем также должны быть созданы свои формы адаптации к этому бегу времени, то здесь возникают свои механизмы «преодоления» этого потока изменений.

Один из таких механизмов — социальная (производственная) кооперация. Суть кооперации — в соединении различных усилий людей, их интересов и форм деятельности в некотором общем направлении, обеспечивающем более быстрое и гарантированное достижение намеченных результатов, чем при деятельности разрозненных индивидов. При этом создается такое целое, которое способно гибко регулировать данный процесс, несмотря на изменение обстоятельств, ситуации на рынке сбыта и заинтересованности компаньонов, уровня подготовки новых членов кооператива и т.п.

Стало быть, кооперация — это порождение и функционирование особого пространства, через которое осваивается время. Именно в организованном пространстве кооперации (как и в равнозначных ему других формах социальной организации людей) происходит такое ускорение процессов и действий, которое способно выдержать натиск ускоряющихся процессов перемен.

Но социальное пространство стало средством освоения новых темпов социального времени — темпов изменения общества — не только через кооперацию и сотрудничество, но и через конкуренцию. В последнем случае выделяются те уровни организации общества и производства, при которых субъекты, представляющие эти уровни, оказываются в принципе не способными освоить время. Конкуренция — это специфическая «бритва Оккама», которая формирует постоянную угрозу для субъекта снизить его уровень существования и таким образом бросить его на дно общества.

Поэтому конкуренция выступает одновременно огромным стимулом освоения времени через различного рода инновации — технические, организационные, информационные и т.д. Конкуренция — это способ постоянного повышения и совершенствования форм и средств выживания за счет освоения потенциала социального времени и связанной с этим прибыли.

Все вышесказанное позволяет теперь вернуться к анализу онтологических аспектов феномена социального партнерства. В контексте нашего подхода это партнерство уже не сводится к практике согласования интересов, преодоления противоречий или же действию социальных институтов. Оно предстает теперь особым *социальным качеством*, которое сформировалось под действием все ускоряющегося времени перемен в обществе и выражает тотальную организацию социального пространства, в значительной степени повышающую его собственную внутреннюю динамику. Именно все более организуемое социальное пространство способно быть проводником и соотношением процессов, которые могут существовать в условиях все более быстрых и глобальных изменений.

Как раз социальное партнерство выступает универсальной формой (или видом) такого организованного социального пространства, в котором значительно ускоряются и синхронизируются все его внутренние «потоки». Таким образом, диапазон проявления видов и направлений социального партнерства расширяется не просто потому, что оно экономически и социально «выгодно» из-за роста доверия друг к другу взаимодействующих сторон, снижения различного рода издержек и уменьшения рисков; фундаментальной основой этой тенденции является процесс «конструирования» самого социального пространства, которое становится все более внутренне организованным и целенаправленным. В свою очередь социальное пространство начинает «конструировать» время, т.е. *обеспечивать условия осуществимости определенных, социально необходимых темпов социальных изменений*.

В анализе общественных отношений, включая и капиталистические, марксизм делает упор на борьбу против-

положностей. Борьба классов, противоречия между производством и потреблением, базисом и надстройкой и др., выступавшие внутренними условиями существования антагонистических обществ, переносятся в эпоху сосуществования социализма и капитализма в международную сферу, образуя идеологическое, политическое и другие виды борьбы. Как ни парадоксально, но именно фиксация внимания на самих противоречиях, а не на сложном и тонком процессе их реального разрешения в более высоком синтезе воспрепятствовала социальной теории в социалистическом обществе увидеть необходимость решения *проблемы соответствия* между динамикой изменений в социальной сфере и качественным изменением самой общественной системы — ее переходом от индустриального к постиндустриальному этапу. Отсюда — запоздалая и неадекватная реакция социалистических стран на развертывание НТР, которую марксистская теория не смогла раскрыть именно с позиций мировой социально-экономической целостности — как ускорение динамики преобразований общества, вступающего в свою постиндустриальную фазу.

Новое, возникающее качество общественно-исторического процесса воспринимается лишь с позиций целостности, что предполагает синтез противоположностей, т.е. не только противоборство различных социальных субъектов, но и их партнерство в рамках целого, в котором они играют различные роли. Даже видимый антагонизм противоположных классов все же опосредован целостностью тех социальных, экономических и политических условий, в которых эти классы находятся. Поэтому простая фиксация различных социальных противоречий оказывается недостаточной для того, чтобы раскрыть отношение к этому целому каждой из этих противоположных сторон и тем самым выявить содержательные аспекты их связи не только с этим целым, но и друг с другом.

В то время как капитализм адаптировался к ускорению социальных изменений — т.е. к новому качеству общества — через совершенствование техники и технологий, стремление снизить материальные и энергетические издержки, социалистические страны выбрали путь развития как бы «из

самих себя», планомерно выстраивая собственную экономику и другие социальные отношения. При этом была упущена (а потому и не рассматривалась) проблема *стагнации* социальных отношений, остановки их собственной продуктивности, т.е. превращение реального партнерства трудящихся классов в их формальное сосуществование (под руководством КПСС и других компартий). Но отсутствие реального партнерства привело к тому, что так и не было создано какой-либо социальной формы или института, на основе действия которых социализм смог бы улавливать и осваивать новые требования времени и вместе с этим — новые потребности людей. Получалось, что простое выявление противоречий и их классификация в социальной теории не раскрывали становления тех новых свойств мирового сообщества, тех основных «трендов», на основе которых начинался процесс развертывания постиндустриализма и информатизации.

Поэтому сам метод диалектического освоения и оценки реальности оказывался для марксистской общественной науки недостаточно продуктивным именно потому, что улавливал лишь различия и противоречия настоящего, но не видел тех интегральных форм, в становлении которых подготавливалось и содержание будущего. Последнее оказывалось формой развития общества уже потому, что сам социализм считался более высоким общественным строем, чем капитализм с его кризисами и противоречиями. Но то будущее, которое объективно складывалось в мировом масштабе, возвышаясь как некоторое целое над противоречиями двух противоположных общественных систем, имело другое содержание и качество, чем запланированные показатели и цели социалистического общества. И в контексте изменений постиндустриального общества, в формах и свойствах которого воплощались планетарные тенденции второй половины XX века, социалистическая система оказывалась все более устаревшей.

Запад, который методологически и практически опирался на принцип «вызов — ответ», на нелинейность общественных изменений, смог более адекватно воспринять и освоить особенности постиндустриализма, чем соцстраны. Более того, разработанная с 70 — 80-х годов XX столетия

концепция социальной синергетики выделила два основных состояния общества, важных для его существования в современной реальности – порядок и хаос. Именно их взаимодействие позволяло оценить ту общую эффективность организации общества для решения его собственных проблем, которая соответствовала понятию «порядок» и могла быть создана через преодоление хаоса – разбалансированности общественных связей и отношений.

Возникает вопрос о разработке самых разных социальных технологий, которые должны повышать эффективность и темпы любых направлений социального развития и социального регулирования. Но технологическое воздействие должно быть направленно и на совершенствование структур и особенностей самого социального пространства. В.Н. Иванов отмечает, что «активное использование социальных технологий в практике управления позволяет говорить о технологизации в определенной мере социального пространства. В ее основе лежат методологии и принципы социального проектирования и моделирования социальных систем... Пока уровень социальной технологизации в нашем обществе очень низкий. Крайне неразвита потребность в разработке и внедрении социальных технологий для достижения благородных целей, концептуальная модель развития социального пространства призрачна, размыта, что усложняет сам процесс технологизации, разработки и внедрения частных технологий, которые всегда опираются на глобальные технологии социального обустройства общества»¹⁰.

Если рассматривать социум, в котором сосуществуют хаос и порядок, как единство бытия и небытия, то основным «модусом» его существования является становление. В масштабах современного общества этот процесс регулируется через систему рынка, в которой действуют и осознанные процессы, и бессознательные, выступающие как механизмы саморегулирования общества. Именно многовариантность, многовекторность бытия общества, его способность осваивать новые возможности, повышающие

¹⁰ *Иванов В.Н.* Социальные технологии в современном мире. – М.: Славянский диалог, 1996. – С. 32.

его устойчивость и жизнеспособность выступают как важнейшие черты современного общества как постиндустриальной, информационной системы. Ф.А. Хайек писал: «Научный анализ показывает, что, следуя спонтанно складывающимся нравственным традициям, лежащим в основе конкурентного рыночного порядка... мы производим и накапливаем больше знаний и богатства, чем возможно добыть и использовать в централизованно управляемой экономике, приверженцы коей претендуют на строгое следование “разуму”... порядок, возникающий независимо от чьего бы то ни было замысла может намного превосходить сознательно вырабатываемые людьми планы»¹¹.

Другими словами, социальная и информационная «емкость» порядка, который возникает стихийно, значительно больше любого планирования. В этом — одно из оснований объективности формирования порядка. Но это не значит, что данное обстоятельство делает активность людей в этом процессе не нужной. Наоборот, именно из оптимального соотношения объективного и субъективного, их общей направленности к выработанным в обществе целям и перспективам и возникают наиболее эффективные способы и технологии освоения хаоса, его превращение в совокупность тех условий или связей, посредством которых социальные субъекты способны осваивать все новые «вызовы» современного общества.

Таким образом, социальная адаптация к ускоряющимся темпам перемен, выступая как проявление направленности общественного бытия к согласованию различий, к сближению и интеграции противоречий, которые постоянно присутствуют в реальной жизни общества (т.е. к поискам наиболее устойчивого «режима» существования самой общественной системы), выдвигает на передний план формы социального партнерства, которые оказываются эффективными не только в выявлении различных противоречий, но и в их *разрешении* — на этапе, когда они должны соединиться в новое, более высокое по уровню качественное единство.

¹¹ Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. — М.: Новости, 1992. — С. 16 — 17, 18.

Именно в этом контексте партнерство оказывается формой социальных связей, максимально адекватной внутренней самоорганизации современного общества. Действительно, партнерство предполагает добровольное и заинтересованное сотрудничество в сфере и направлениях совпадения не только интересов хозяйствующих и других социальных субъектов, но и возможность совмещения тех материальных (финансовых, организационных, технологических и др.) условий, которыми эти субъекты располагают. Следовательно, партнерство обеспечивает рост внутренней связности самой социальной «ткани» — тех инфраструктур и средств обеспечения деятельности, которые объективно повышают сам уровень организованности общества, т.е. уровень его внутреннего порядка. *Партнерство* именно поэтому *оказывается сегодня универсальной формой связи* субъектов, эффективно действующей в самых разных пространствах общественной жизни, в различных ее сферах — производственной, политической, культурной, научной, этнической, социальной, религиозной и др. Отсюда — и разнообразие подходов к его изучению, а также и те затруднения с выработкой его общей концепции, о которой упоминалось выше.

С другой стороны, современный процесс глобализации, уже доказавший зависимость любых региональных процессов от складывающихся общепланетарных тенденций и структур (финансовых, информационно-технологических, политических и др.), показывает, что социальное партнерство в его различных формах и проявлениях все больше *становится не только желаемым, но и обязательным условием современной жизни* — не только как способ разрешения конфликтов и острых противоречий, но и источник формирования инновационных процессов и достижений. Отсюда теоретическая и практическая актуальность его дальнейших исследований.

Таким образом, прояснение онтологических оснований феномена социального партнерства методологически выстраивает тот категориальный «каркас», в рамках которого получают свое обоснование исследования и других, более конкретных форм партнерских взаимосвязей в современном обществе.